УДК 342

ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРОТИВ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В СЕТИ

А. Е. ВАСИЛЕВИЧ
(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. Шахновская)

В статье анализируются конституционно-правовые гарантии Республики Беларусь, которые могут быть противопоставлены алгоритмической дискриминации национальных меньшинств в цифровой среде. Рассматриваются нормы статей 22, 60, 61 и 62 Конституции и обосновывается их неадаптированность к цифровым формам нарушения прав. На примере защиты персональных данных (статья 28) показано, что государство способно создавать работающие цифровые механизмы защиты. Делается вывод, что проблема заключается не в отсутствии правовых инструментов, а в отсутствии политического приоритета для распространения существующего подхода на языковые права.

Конституция Республики Беларусь закрепляет человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, а их гарантии – в качестве цели общества и государства (статья 2). Среди этих гарантий особое место занимают равенство перед законом и запрет дискриминации (статья 22), право на пользование родным языком (статья 50) и право на обращение в государственные органы (статья 40). Однако цифровизация публичных услуг создаёт качественно новую среду реализации этих прав, в которой традиционные конституционные гарантии могут оказаться недостаточными. Возникает вопрос: способны ли существующие конституционные нормы защитить национальные меньшинства от дискриминации, которая не требует прямого запрета, а встроена в архитектуру информационных систем [1]?

В условиях цифровизации государственных услуг возникает новая форма ограничения прав национальных меньшинств, которая не связана с прямым законодательным запретом. Речь идёт об алгоритмической дискриминации – ситуации, когда ограничение права создаётся не решением чиновника, а дизайном информационной системы: отсутствием языка в интерфейсе, невозможностью выбора языковой опции, геоблокировкой доступа. Такие барьеры не имеют нормативного основания и не воспринимаются как нарушение, однако фактически лишают граждан возможности реализовать конституционные права. Настоящая статья посвящена анализу конституционно-правовых гарантий, которые могут быть противопоставлены алгоритмической дискриминации в сети.

Как было показано в предыдущем исследовании, посвящённом двойному цифровому барьеру для национальных меньшинств в Республике Беларусь, представители меньшинств сталкиваются с двумя взаимосвязанными ограничениями при электронном обращении в государственные органы. Первое носит нормативный характер: Закон «Об обращениях граждан и юридических лиц» императивно устанавливает, что электронное обращение излагается на белорусском или русском языке (ч.1 ст.12, ч.2 ст.54), что исключает использование языка меньшинства [2]. Второе имеет техническую природу: доступ к государственным информационным системам ограничен IP-адресами белорусских провайдеров, в результате чего граждане, временно находящиеся за границей, лишаются возможности подать электронное обращение, получить судебное решение или оплатить налоги.

Оба барьера – нормативный и технический – были рассмотрены ранее преимущественно с точки зрения их фактического воздействия на реализацию прав. Однако они имеют и конституционно-правовое измерение, которое до сих пор не получило самостоятельного анализа.

Прежде всего, статья 22 Конституции закрепляет положение о равенстве перед законом и запрет дискриминации. Это базовая норма, на которую можно ссылаться при оспаривании языковых ограничений в цифровых системах. Однако алгоритмическая дискриминация не имеет «человека-нарушителя» – нет чиновника, который отказал бы в приёме обращения на польском. Следовательно, стандартный механизм защиты (жалоба на действие должностного лица) не срабатывает.

Статья 60 Конституции гарантирует судебную защиту и право обжаловать решения и действия (бездействие) государственных органов, ущемляющие права. Проблема заключается в том, что «бездействие» в цифровой среде – например, отсутствие языковой опции в интерфейсе – не воспринимается как действие, подлежащее обжалованию. Суды не рассматривают «отсутствие кнопки» как нарушение права, поскольку формально никто не отказывал гражданину в реализации его прав. В результате конституционная гарантия судебной защиты остаётся декларативной применительно к алгоритмическим барьерам.

Статья 61 Конституции закрепляет право обращаться в международные организации, если исчерпаны внутригосударственные средства защиты. Однако Беларусь вышла из Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах в 2022 году, что лишило граждан возможности подавать индивидуальные жалобы в Комитет по правам человека ООН. Это сузило одну из немногих оставшихся гарантий, сделав международный механизм защиты недоступным для белорусских граждан.

Наконец, статья 62 Конституции гарантирует право на юридическую помощь. Формально она может быть использована для оспаривания цифровых барьеров, однако правоприменительная практика не знает таких дел. Отсутствие прецедентов создаёт замкнутый круг: без практики невозможно выработать подход, а без подхода невозможно инициировать практику. Юридическая помощь остаётся потенциальным, но не реализованным инструментом.

Таким образом, существующие конституционные гарантии имеют формальный характер, не адаптированный к цифровой среде. Алгоритмическая дискриминация не вписывается в традиционные правовые конструкции, рассчитанные на наличие конкретного нарушителя и конкретного действия. Это создаёт разрыв между конституционным обещанием равенства и фактической невозможностью его защиты в цифровом пространстве.

Наряду с нормами, которые не адаптированы к цифровой среде, белорусское конституционное право содержит и примеры реально работающих гарантий, подтверждающих способность государства создавать эффективные механизмы защиты в цифровой сфере. Наиболее показательным примером является защита персональных данных. Правоприменительная практика подтверждает действенность этого механизма. По данным центра, порядка 70% жалоб признаются обоснованными, что свидетельствует о реальной, а не декларативной защите. За прошлый год удалено свыше 24 млн записей с незаконно обрабатываемыми персональными данными, а с начала текущего года – ещё 7,1 млн. Имеются и конкретные дела о привлечении к ответственности: например, за разглашение диагноза сотрудника виновное лицо привлечено к дисциплинарной и административной ответственности со штрафом в 100 базовых величин и увольнением [3].

Показательно, что законодательство в этой сфере продолжает развиваться. Закон от 16.03.2026 № 134-З расширил право субъекта персональных данных обжаловать не только действия оператора, но и действия (бездействие) уполномоченного лица, устранив тем самым пробел, при котором обработчики по поручению фактически выпадали из-под контроля. Кроме того, Закон «О защите персональных данных» устанавливает конкретные, измеримые сроки исполнения обязанностей: оператор должен предоставить информацию об обработке данных в течение 5 рабочих дней, а внести изменения в неполные или устаревшие данные – в течение 15 дней. Это пример позитивных гарантий, при которых государство не просто декларирует право, но и определяет механизм и сроки его обеспечения [4, 5].

Таким образом, белорусское государство способно создавать работающие цифровые механизмы защиты прав – когда речь идёт о защите персональных данных. Контраст между этой сферой и языковыми правами национальных меньшинств показателен: проблема цифрового языкового барьера заключается не в технической невозможности или отсутствии правовых инструментов как таковых, а в отсутствии политического приоритета для распространения аналогичного подхода на языковые права. Если механизм обжалования «бездействия» в цифровой среде уже существует для персональных данных, он может быть – при соответствующей воле – распространён и на алгоритмическую дискриминацию по языковому признаку.

Проведённый анализ показывает, что конституционные гарантии Беларуси – равенство (ст. 22), судебная защита (ст. 60), международное обращение (ст. 61), юридическая помощь (ст. 62) – формально существуют, но не адаптированы к цифровой среде. Алгоритмическая дискриминация не имеет нарушителя и не обжалуется в обычном порядке. Вместе с тем защита персональных данных (ст. 28) доказывает: государство способно создавать работающие цифровые механизмы. Проблема не в отсутствии инструментов, а в отсутствии политического приоритета. Решение – распространить существующий подход на языковые права: расширить толкование ст. 22, изменить Закон «О языках» и Закон «Об обращениях», включить языки меньшинств в технические спецификации государственных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2026.
2. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 г. № 300-З: в ред. от 16.03.2026 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2026.
3. На защите персональных данных: итоги работы Центра за 2024 год [Электронный ресурс] // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: https://cpd.by/na-zashhite-personalnyh-dannyh-itogi-raboty-centra-za-2024-god/. – Дата обращения: 14.10.2026.
4. Об изменении законов по вопросам регулирования гражданского судопроизводства и гражданских правоотношений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 16.03.2026 № 134-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
5. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З : в ред. от 16.03.2026 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.